

HAL
open science

Противоречивое завершение сталинизма: медленное освобождение населения, депортированного с западных территорий СССР

Alain Blum

► To cite this version:

Alain Blum. Противоречивое завершение сталинизма: медленное освобождение населения, депортированного с западных территорий СССР. Alain Blum et Natalia Ablazhey. Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах восточной Европы, 3, Наука, pp.12-31, 2015. <hal-01396789>

HAL Id: hal-01396789

<https://hal.science/hal-01396789v1>

Submitted on 15 Nov 2016

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО, КАВКАЗСКОГО
И ЦЕНТРАЛЬНО-ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА (ПАРИЖ)

МИГРАЦИОННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДЕПОРТАЦИИ В СССР И СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Сборник научных статей

В ы п у с к 3

Ответственные редакторы
доктор исторических наук *Н.Н. Аблажей*
профессор *А. Блюм*

НОВОСИБИРСК

«НАУКА»

2014

УДК 325
ББК 63.3(2)622-4
М57

Рецензенты

доктор исторических наук *В.И. Исаев*
доктор исторических наук *В.Л. Соскин*

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-21-08001а(м))*

М57   **Миграционные** последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы: сборник научных статей. Вып. 3 / Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; Отв. ред. Н.Н. Аблажей, А. Блюм. — Новосибирск: Наука, 2014. — 228 с.
ISBN 978-5-02-019275-1.

Данный выпуск завершает серию публикаций, реализуемых в рамках российско-французского проекта «Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы», поддержанного РГНФ и фондом «Дом наук о человеке». В первой части сборника представлены статьи участников франко-российского семинара «Возвращение: освобождение спецпоселенцев, высланных из Центральной и Восточной Европы в СССР», состоявшегося в Париже в Центре исследований России, Кавказа и Центральной Европы 13–14 мая 2014 г.

Издание предназначено для специалистов в области общественных и гуманитарных дисциплин.

УДК 325
ББК 63.3(2)622-4

- © Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2014
- © Фотографии для обложки виртуального музея «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе», 2014
- © Редакционно-издательское оформление. «Наука». Сибирская издательская фирма, 2014

ISBN 978-5-02-019275-1

Часть 1

ВОЗВРАЩЕНИЕ И ПАМЯТЬ О ДЕПОРТАЦИИ

А. Блюм

ПРОТИВОРЕЧИВОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ СТАЛИНИЗМА: МЕДЛЕННОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ, ДЕПОРТИРОВАННОГО С ЗАПАДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ СССР*

В результате депортаций, составлявших основу сталинских репрессий, возникло пространство населенности особого рода — отделенное от остального населения не физически, а административно. Этот мир воспроизводил себя в соответствии со своей внутренней логикой, жил, развивался и сокращался по своим собственным законам. У него своя демография и своя география. В отличие от ГУЛАГа, куда попадали и откуда выходили, который представлял собой в целом изолированное от остального мира место заключения, территория спецпоселений одновременно отделена от окружающей реальности и переплетена с ней. Отделена особыми правилами, регламентом, удаленностью территорий, из которых прибывало депортированное население. Однако спецпоселенцы¹ жили и работали в местах, населенных свободными людьми. Они смешивались с обычным советским населением и иногда даже обитали в тех же домах, их жилье было вписано в общие жилые массивы, и даже когда они жили в отдельных бараках, то эти бараки все-таки располагались в населенных пунктах, где жили свободные люди². Их дети ходили в советскую школу и учились в одних классах с обычными детьми.

Во время первых депортаций начала 1930-х гг., ставших неотъемлемой частью политики коллективизации в деревнях и орудием войны против крестьянского мира, переселяемых крестьян зачастую изолировали на территориях Российского Севера или Западной Сибири. Их перемещали в необитаемые места, создавая таким образом настоящие зоны колонизации и новые сельскохозяйственные территории. Часть этих крестьян до Второй мировой войны была освобождена от статуса спецпереселенцев, однако вернуться на родину им не позволили.

С 1936-го же и, в особенности, с 1939 г. складывалась совсем иная система. Началась она с депортаций поляков, а затем на протяжении 1939—1952 гг. последовали еще несколько волн переселений³. Отличие этой

---

* Перевод с французского Анны Зайцевой.

¹ Мы используем здесь слово «спецпоселенцы» или «спецпереселенцы».

² Разумеется, некоторая смешанность такого рода существовала и в лагерях ГУЛАГа, поскольку свободные трудящиеся, зачастую бывшие эки, иногда участвовали в работах внутри лагеря или, наоборот, рабочие-эки иногда направлялись на стройки вне лагеря и работали там вместе со свободными рабочими. Однако такое бывало гораздо реже, а главное, сами жизни не пересекались до такой степени.

³ Среди многочисленных источников, рассказывающих о них, стоит особо отметить: Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР.

системы состоит в том, что заселялись уже населенные территории. Отличается и сама ее география — ведь она постепенно покрыла всю территорию СССР, за исключением западных регионов. И еще одно отличие: единожды попав в этот мир, живыми оттуда уже не выходили. Так продолжалось до самой смерти Сталина и даже до 1955 г.

У этого мира своя собственная демография. Он рос поэтапно, в результате крупных операций по переселению. Однако он не переставал расти, хотя и более медленно, и в периоды между двумя массовыми депортациями, особенно после 1944 г., когда переселению регулярно подвергались группы людей, ранее не затронутых этими волнами, но которых позднее идентифицировали как принадлежащих к группам, депортированным во время крупных операций. Например, операция «Запад»¹ была проведена в 1947 г. в Украине с целью переселения «семей украинских бандитов»: под нее попали семьи всех, кто прятался в лесах, был арестован или убит во время боев между ОУН и советскими внутренними войсками. Однако аресты продолжались и долгое время после операции. В течение нескольких месяцев людей, арестованных по тем же основаниям, что и переселенных во время массовых операций, собирали в тюрьмах в «сборных пунктах». И когда набиралось достаточное количество человек для того, чтобы можно было снарядить эшелон, их погружали в вагоны из всех сборных пунктов республики и отправляли в сторону Сибири или Средней Азии, где они вливались в ряды спецпереселенцев². Так, 5 ноября 1951 г. в 23.30 эшелон из 57 вагонов, в которые набилось 1096 чел. (278 семей), отправился со станции Здолбунов в Ровенской области Украины: в него погрузили семьи из Львовской, Волынской, Ровенской, Тернопольской, Дрогобыщской и Станиславской областей³, причем некоторые семьи в ожидании отправления провели в тюрьме несколько месяцев⁴.

Этот мир расширялся и за счет естественного прироста, поскольку новорожденных, формально не являвшихся его частью, ставили на посемейный учет депортированных, и каждый достигший возраста 16 лет автоматически получал статус спецпоселенца. Более того, во время регулярных пересчетов этого населения считали как взрослых, так и детей⁵. Дети обладали не большей свободой передвижения, чем взрослые, и хотя в строгом смысле слова у них не было статуса спецпоселенца (их не регистрировали в индивидуальном порядке), они все-таки были частью этого населения.

М., 2001. См. также: Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru>.

¹ Об этой операции см. подробнее, например, досье, сохранившиеся в архивах СБУ в Киеве. — Галузевий державний архів (далее — ГДА). Ф. 2. Оп. 103. Д. 6 «Докладные записки, оперативные планы по выселению семей оуновцев с территории Ровенской области 1947 г.».

² См. пример такого более позднего эшелона: ГДА. Ф. 2. Оп. 19. Д. 2. Т. 1 (МГБ УССР. На выселение и отмену ссылки, 1.7.1952–31.12.1952). Л. 560.

³ ГДА. Ф. 2. Оп. 102. Д. 21. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 642 («О движении высланных, ссыльных, спецпоселенцев и ссыльно-поселенцев за 1951–1952»).

До самого 1953 г. оно убывало только естественным образом: за редким исключением, убыль происходила за счет смертности. Особенно высока она была в течение первых месяцев после переселения, а затем, судя по всему, ситуация стабилизировалась, и смертность сравнялась с уровнем смертности местного населения. В исключительных случаях мир спецпоселений можно было покинуть благодаря «снятию с учета». Термин «освобождение» не использовался, что лишь подчеркивает, насколько эти жители представляли собой отдельный управляемый контингент населения СССР, созданный через постановку на учет, а не в судебном порядке, как это имело место в случае с узниками ГУЛАГа¹. Поэтому чтобы сняться с учета, нужно было отправить заявление в НКВД² или же в другую инстанцию или начальственному лицу, которые всегда перенаправляли его в НКВД. Лишь на редкие заявления давался положительный ответ, в случаях, когда подавшая заявление семья была перепутана с другой или ей не посчастливилось оказаться в день депортации в доме семьи, которая должна была подвергнуться переселению³. Некоторые всячески подчеркивали свою роль информаторов, хотя обычно последние с самого начала операции исключались из списка людей, подлежащих переселению⁴. Порой семье удавалось получить положительный ответ, если один из ее членов воевал в Красной армии или участвовал в Великой Отечественной войне (в случае, если прежде этот факт не позволил ей избежать переселения)⁵.

Такая точная идентификация спецпоселенцев была доведена до логической завершенности, поскольку их почти ежегодно пересчитывали и любые прибытия и убытия четко прописывались. Их разделяли на несколько подкатегорий, которые, не означая социальных групп, представляли собой скорее определенные «контингенты» спецпоселенцев, т.е. в каком-то смысле отсылали к происхождению индивидов: ведь в этом учете каждый был и навсегда оставался «членом семьи литовского бандита», «андерсовца», «бывшего кулака» и т. п. То есть принципом описания являлось происхождение, в котором территория (контингенты очень часто

¹ Это следует особо отметить, поскольку часть этих людей были высланы решением Особого совещания при НКВД, чьи постановления обладали переходным статусом между административными и судебными. И кстати, как мы это увидим далее, когда это Особое совещание было распущено в сентябре 1953 г., право отмены его решений было передано Верховному суду СССР, т.е. судебному органу, а не МГБ.

² Для простоты мы говорим в целом об НКВД, идет ли речь действительно о нем или о его преемниках. Напомним, что НКВД (Народный комиссариат внутренних дел), созданный в 1934 г., был главным инструментом сталинских репрессий. Он несколько раз менял наименование: в 1941-м и 1943-м его дважды разделяли на две части (НКВД и НКГБ). Последние в 1946 г. были переименованы в МГБ и МВД, а затем, после смерти Сталина, в КГБ и МВД.

³ См., например, заявление Председателю Совета министров СССР, 20.4.1953: Lietuvos centrinis valstybės archyvas (Литовский Центральный государственный архив) (далее — LCVA). Ф. R754. Оп. 13. Д. 447. Л. 171–172.

⁴ ГДА. Ф. 2. Оп. 19. Д. 5. Т. 3 «МГБ УССР По ответным мерам. Переписка по выселению семей бандитов и пособников 1.1.1952–31.12.1952». Л. 15; Д. 2. Т. 1 «МГБ УССР На выселение и отмену ссылки 1.7.1952–31.12.1952». Л. 13–16; Д. 2. Т. 2 «МГБ УССР На выселение и отмену ссылки 1.3.1952–1.5.1952». Л. 634.

⁵ ГДА. Ф. 2. Оп. 19. Д. 5. Т. 3 «МГБ УССР По ответным мерам. Переписка по выселению семей бандитов и пособников 1.1.1952–31.12.1952». Л. 80.

Рис. 1. Общее число заключенных и спецпереселенцев (на 01.01 соответствующего года)¹.

определялись по территориальному признаку) и национальность (в случае с переселениями времен Второй мировой войны) присовокуплялись к характеристикам, связанным с движениями сопротивления советизации после 1939 г. на оккупированных, а затем аннексированных территориях².

Итак, это население формировалось на протяжении всего периода 1929–1953 гг. С 1939 г. оно непрерывно росло за счет очередных волн переселений и естественного прироста. Пик был достигнут в 1953 г. Этот рост в целом происходил параллельно с ростом населения тюрем, лагерей и колоний (рис. 1). Он просматривается не только в численных, но и в пространственных характеристиках, о чем свидетельствует географический разброс и количество спецпоселений (карты в зале «География депортаций» на сайте «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе»³). Спецпоселенцы — это в основном крестьяне, выселенные в начале 1930-х гг. из российских и восточно-украинских областей. С 1939 г. к ним присоединилось население польских территорий, польские осадники и беженцы (в основном еврейские)⁴. Их особенно много в северных регионах, Архангельской области и Коми, в небольшом количестве они раскиданы по Сибири и

¹ Источники: ГА РФ. Ф. Р-479. Оп. 1. Д. 89, 157, 187, 257, 436, 489, 641, 642, 725, 759, 761, 836, 846, 848, 905, 925, 932, 933, 949, 967; Земсков В. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2003.

² ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 642 «Численность и состав спецпоселенцев (по состоянию на 1 июля 1952 г.).

³ <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/geografiya-deportatsii>.

⁴ В этой статье мы не берем в расчет многочисленных корейцев, сконцентрированных в Средней Азии, поскольку они не обладали статусом спецпоселенцев и не учитывались столь точно.

Дальнему Востоку. Зачастую они заселяли пустые территории, на которых строили новые поселки. На 1 января 1941 г. насчитывалось около 2550 поселков спецпереселенцев (трудпоселенцев, осадников и беженцев), из которых около 20 % располагались в северо-западных регионах России (Архангельская область, Коми АССР, Вологодская область, Карело-Финская ССР, Мурманская область) и 47 % в Сибири и на Дальнем Востоке¹.

Зато в 1951 г. спецпоселенцев распределяли почти по всему советскому пространству, многие из них попадали в местности с доминированием сельского населения, других же ссылали в суровые края вдоль крупных сибирских рек, вплоть до Заполярья. По карте видно, что логика удаления не подразумевает под собой стремления отделить эти категории населения от остальных советских граждан. Напротив, депортированное и свободное население смешивались, контактировали друг с другом, знали друг друга, и редкий местный житель — тем более в сельской местности — мог оказаться в неведении по поводу прибытия этих контингентов. Отныне насчитывалось около 17 500 спецпоселений², из которых чуть больше половины (51 %) располагались в Сибири и на Дальнем Востоке. И только запад России и западные территории, откуда прибыли послевоенные волны переселений, не были усеяны этими поселками. Здесь местное население становилось свидетелем не приезда спецпереселенцев, а жестокого вырывания близких и знакомых из родного гнезда. Позднее оно наблюдало и их возвращение.

Ликвидация — демонтаж

Итак, советские правители, пришедшие к власти после Сталина, в процессе освобождения спецпоселенцев от дискриминирующего административного статуса, столкнулись с необходимостью организации и реинтеграции в общее население особой категории граждан, рассеянной по огромной территории, но очень точно административно определенной. Если в случае с лагерями власти задействовали индивидуальные (отмена наказания) или коллективные (амнистия) судебные процедуры, то в случае со спецпоселенцами они не могли использовать те же механизмы, поскольку эти люди не были осуждены за какое-либо преступление (следовательно, невозможно было отменить несуществующий приговор). Вообще, особый режим, в котором они жили («под гласным надзором органов МВД», включавшим запрет покидать место спецпоселения, обязанность регулярно отмечаться у коменданта и пр.), можно было бы попросту отменить. Однако советские власти в хрущевскую и брежневскую эпохи не прибегли к этому вроде бы очевидному решению. Напротив, они действовали способом, на удивление симметрично отражающим то, как прежде эти категории населения создавались. Они действовали с недоверием и подозрительностью, еще долго сохраняя статус спецпоселенца, порожденный сталинскими репрессиями. Вместо того чтобы единовременно распустить эту систему, они демонтировали ее медленно и постепенно.

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 88–96.

² ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 561, 562, 598, 599 «Дислокация расселения спецпоселенцев...». Алтайский край не включен в эту статистику.

Возвращение из лагерей ГУЛАГа в наше время хорошо изучено, как через нормативные рамки, регулировавшие освобождение заключенных и амнистии¹ (постоянно изменявшиеся, они вызывали напряжение в обществе), так и через более подробное изучение отдельных судеб бывших эзков после освобождения². А вот процессы демонтажа и следующего за ними возвращения, в частности в западные территории, остаются малоизученными. Разумеется, некоторые народы вызвали особое внимание научного сообщества: есть, например, исследования и сборники документов, которые рассматривают сложности, возникшие в ходе возвращения чеченцев и ингушей, или анализируют процесс репатриации поляков (по этому предмету имеется несколько очень подробных работ)³. Многочисленные труды также посвящены вопросу невозвращения крымских татар⁴. Однако до сих пор слабо разработанной остается история постановлений, открывших возможность возвращения, да и самих возвращений жителей Литвы (будь то литовцы, евреи или поляки) или Западной Украины.

Изучение этих возвращений позволяет задуматься о связях между тем, что можно назвать «множественными советскими обществами», политическими решениями и колебаниями в отношении сталинского наследия, выявить постоянное напряжение между авторитарными методами управления и попустительством. Перед нами разворачивается история, сотканная из колебаний и непринятых решений. Руководители, пришедшие после Сталина, продолжали пользоваться категориями сталинского мышления, при этом развивая глубоко легалистский подход. Политика, проводимая с 1953 по 1988 г., была прежде всего выражением непреодолимой политической нерешительности. Появлялось все больше способов освобождения от статуса спецпоселенца, вписанных при этом в политическое мышление, которое оставалось сковано сталинскими категориями.

Хроника долгого ожидания

Колебания и промедления прочитываются прежде всего в количественных трансформациях мира спецпереселенцев, которые демонстрируют долгое ожидание, выпавшее на долю некоторых депортированных, а также крайне позднее исчезновение самого статуса.

С одной стороны, кривая числа спецпереселенцев после 1953 г. отмечена очень быстрым падением в 1954–1955 гг.: с 2,7 млн спецпереселенцев

---

¹ Elie M. Les anciens détenus du Goulag: Libérations massives, réinsertion et réhabilitation dans l'URSS poststalinienne, 1953–1964. Paris, Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 2007. URL: <http://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00593664>.

² Dobson M. Khrushchev's Cold Summer: Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin. Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 2009; Adler N. The Gulag survivor: Beyond the Soviet system. New Brunswick, N.J., Etats-Unis: Transaction Publishers, 2002.

³ Gousseff C. Dépayser les peuples. L'histoire d'un échange de populations aux nouvelles frontières polono-soviétiques, 1944–1947 (готовится к печати; предварительный вариант названия). Paris, Fayard, 2015.

⁴ См., напр.: Даниэль А. Эхо депортации: Крымско-татарское движение за возвращение и предпосылки к установлению связей с правозащитным сообществом // Миграционные последствия Второй мировой войны: Этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы. Новосибирск: Наука, 2012. Вып. 1. С. 234–254; Козлов В.А. и др. Вайнахи и имперская власть: Проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР: начало XIX — середина XX в.: сб. документов. М.: РОССПЭН, 2011.

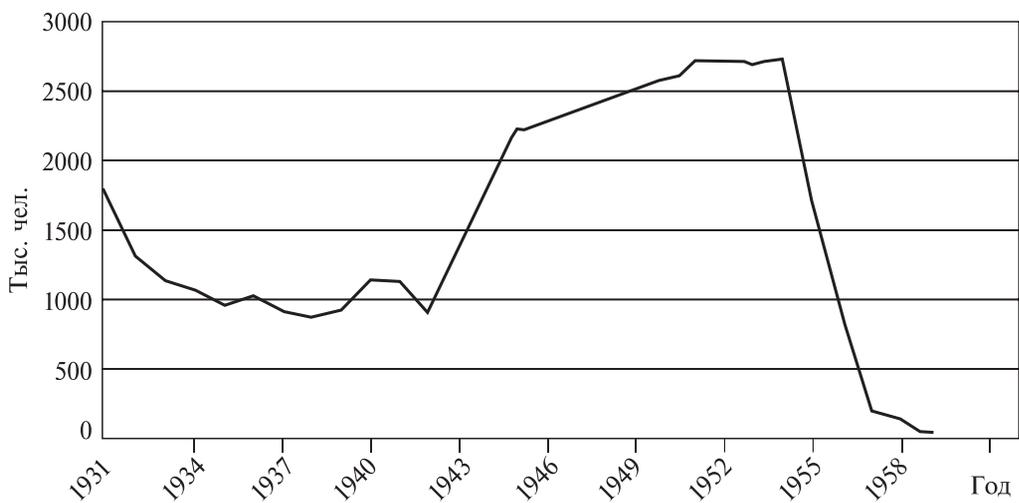

Рис. 2. Число спецпереселенцев (трудпоселенцев, ссыльных и пр.) (на 01.01 соответствующего года).

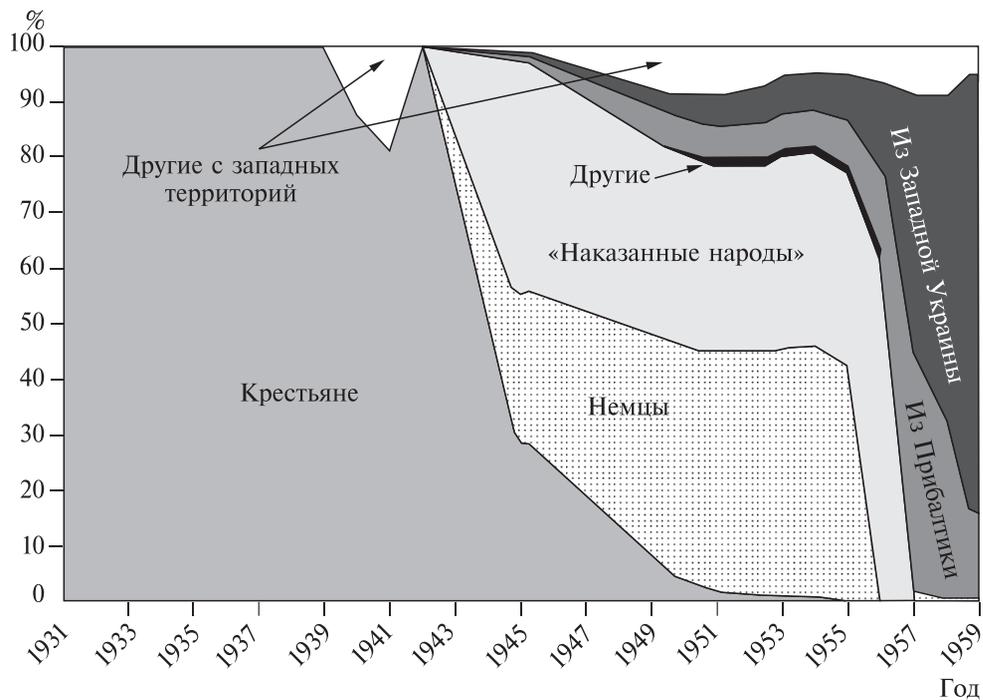

Рис. 3. Распределение депортированного населения в зависимости от категории (на 01.01 соответствующего года).

на 1 января 1954 г. показатель снизился до 1,7 млн на 1 января 1955 г. и затем до 900 тыс. на 1 января 1956 г.¹ (рис. 2).

Это снижение, однако, обманчиво, поскольку происходило оно прежде всего за счет выхода из этого особого мира детей меньше 16 лет². И только в 1956 г. постановления затронули уже широкие слои взрослого населения — т.е. более чем через 3 года после смерти Сталина и знаменитого указа марта 1953 г. об амнистии лагерных заключенных. Это общее падение численности также было очень частичным, поскольку вначале почти не касалось населения, высленного с западных территорий. Об этом свидетельствует «состав» спецпереселенцев, определяемый здесь в терминах, используемых советскими властями (рис. 3): до 1939 г. в него входили в основном крестьяне, а в ходе Второй мировой войны основную массу стали составлять немцы и другие «наказанные народы» (в основном с Кавказа), и наконец, начиная с 1957 г. большинство среди спецпереселенцев составляло население, депортированное с западных территорий.

На первый взгляд все просто и свидетельствует о политике, способствующей быстрому исчезновению этой категории населения. Однако при более внимательном рассмотрении различных процедур, лежащих в ее основе, вырисовывается совершенно иной образ: они оказываются многочисленными, малосогласованными, и в них смешиваются два основных подхода — коллективный и индивидуальный.

Сложные переплетения между коллективными и индивидуальными процедурами

Таким образом, политические колебания в сочетании с образом мышления, остававшимся под властью сталинских описательных категорий, а также отказ от пересмотра сталинских форм законности проявились во множественности параллельно существующих процедур и их эфемерном характере. Все это способствовало демонтажу данной категории населения вплоть до ее исчезновения, по крайней мере в юридическом и административном плане. Эти процедуры могли быть коллективными или индивидуальными, что еще более усложняло работу по их осуществлению, а главное, зачастую делало ее почти иллюзорной: решения об индивидуальных освобождениях, принятые после долгой и трудной работы по полицейскому и административному расследованию, лишь на несколько месяцев или даже дней предшествовали коллективному решению в отношении тех же самых лиц. Эти процедуры касаются решений, в которых переплетаются различные юридические и экономические, политические и социальные соображения, произвол и формалистское следование букве закона.

Пути к коллективному освобождению прокладывались указами и другими постановлениями, которые постепенно пересматривали прежние решения о коллективных переселениях, следуя при этом категоризации

---

¹ Мы не включили в эту кривую корейцев, подвергшихся массовым депортациям в 1936 г. в Среднюю Азию. На них не распространялся статус спецпереселенцев, у них был некий переходный статус: их не контролировали, но они и не могли вернуться в места, из которых были выслены.

² Постановление Совета министров СССР от 5 июля 1954 г. № 1439-649с «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев».

населения, доставшейся в наследство от сталинских административных решений. Эти пути освобождения определялись в центре, но сама организация возвратов, как правило, входила в полномочия местных властей. В свою очередь, индивидуальные пути освобождения пролегли через установление своеобразного диалога (разумеется, ограниченного и вписанного в полунормативные рамки) между центральными, местными властями и индивидами. С 1953 г. разнообразные комиссии занимались все увеличивающимся количеством заявлений и жалоб, направляемых депортированными из всех уголков страны многочисленным адресатам. Прежде эти прошения и жалобы разбирались в отделе МВД, занимавшемся этими переселениями. Более того, каждая советская республика, имевшая дело с возвращениями, переживала их по-своему. Ведь если рамочные постановления принимались в Москве, то конкретная организация и проведение в жизнь иногда делегировались советским республикам, из которых прежде осуществлялось выселение.

Чтобы лучше продемонстрировать сложные переплетения процедур, мы возьмем в качестве примера случай Литвы, приводя иногда и другие примеры. Действительно, процедуры разнились в зависимости от республик. И если республики Прибалтики в этом плане схожи между собой (хотя и не идентичны), то в Украине свои особые процедуры. Эти различия тем более интересны, что иногда республиканские власти стремились напрямую, без посредничества Москвы, обменяться между собой информацией по поводу применяемых процедур¹.

Коллективные процедуры

Процедуры коллективного освобождения руководствовались прежде всего двумя логиками.

1. Политическая логика.

Эти процедуры были отмечены устойчивым недоверием и даже враждебностью по отношению к крестьянскому населению, в частности к его самым зажиточным слоям. Это было неизменной и важнейшей характеристикой образа мышления в советском режиме. Коллективизация крестьянских хозяйств, осуществленная Сталиным, никогда не подвергалась пересмотру. Раскулачивание оставалось вне всякой критики, так же, как и репрессии, которыми оно сопровождалось. Крестьян, определенных как «кулаки» на момент их переселения из западных территорий, освободили в 1958 г., однако само это переселение по-прежнему рассматривалось как оправданное. Более того, наклеенный на них ярлык кулака продолжал рассматриваться как несмываемое клеймо. И как ни парадоксально, по сравнению с ним клеймо коллаборационизма во время Второй мировой войны оказывалось менее тяжким (тем более что коллаборационисты получили амнистию еще в 1955 г.²).

¹ 4 февраля 1974 г. МВД Литовской ССР написало МВД Украинской, Эстонской и Латвийской ССР запрос на информацию о процедурах, которые они проводили: LYA. Ф. V-135. Оп. 7. Д. 549. Л. 44–49.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны»

2. Бюрократическо-правовая логика.

Большая часть указов о коллективном освобождении населения, депортированного с западных территорий, уточняют, что данное освобождение, а вернее, снятие с индивида статуса спецпереселенца, а вместе с ним и соответствующих ограничений, вовсе не означает права возвращения в родную область или республику. Например, выселенные из Литвы после освобождения не могли вернуться в Литву. Чтобы получить это право, они должны были направить заявление областным или республиканским властям, уполномоченным к принятию подобных решений. А значит, освобождение не влекло за собой реабилитации и, следовательно, не аннулировало указ о депортации, который продолжал считаться оправданным. Поэтому освобожденные люди втягивались в тяжкие бюрократические и судебные процедуры, чтобы получить разрешение на возвращение, а также чтобы им дали право вернуть себе конфискованное имущество, и прежде всего жилье. И наконец, эти люди по-прежнему носили на себе клеймо: ведь считалось, что советские власти депортировали их обоснованно.

Происходившие трансформации направлялись многочисленными постановлениями, сочетающими эти две логики, будь то постановления, смягчающие условия для некоторых категорий спецпереселенцев, или постановления, полностью освобождающие их от данного статуса, при этом систематически не давая им разрешения вернуться в область или республику, из которой они были выселены. Сам статус спецпереселенца исчез лишь в 1965 г., т.е. через 12 лет после смерти Сталина, когда получила коллективное освобождение последняя категория спецпереселенцев — свидетели Иеговы и так называемые сектанты¹. Таким образом, статус спецпереселенца, по-прежнему оставшийся статусом вне закона, устарел, но отменен не был. А устарел он лишь потому, что группа населения, носившая этот ярлык, исчезла в процессе постепенного снятия с учета. Однако последствия данного статуса ощущались еще долго, поскольку некоторые спецпереселенцы все еще не могли вернуться на родину, вплоть до 1988 г. были ограничены в свободе передвижения и продолжали получать систематические отказы на свои бесконечные прошения о возвращении.

Общая рамка коллективных процедур была задана еще в мае 1953 г., вскоре после осуществления массовой амнистии узников ГУЛАГа. Заместитель министра внутренних дел Круглов² (вскоре ставший министром) предложил график быстрого и массового освобождения, в котором, однако, имелась некоторая иерархия между разными категориями спецпереселенцев. Если бы его предложение было принято, то до конца 1953 г. освобождение получило бы около половины депортированных. И хотя проект Круглова как таковой принят не был, он все-таки определил кон-

---

1941–1945 гг.». Тем не менее сотрудничество с немцами в сочетании с участием в массовых преступлениях во время оккупации оставалось сильным стигматом, который даже заново активировался во время очередной волны процессов в 1960-е гг.

¹ В виртуальном музее «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе» есть зал, посвященный этим освобождениям, где имеется их хронологическая таблица.

² ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 725. Л. 67–83. Отчет, представленный министру внутренних дел Кругловым, замминистра внутренних дел, и Алидиным, начальником отдела «П» МВД СССР МГБ.

**Хронология освобождения со спецпоселения жителей западных территорий
(особенно на примере Литвы)**

1954	
16.07	Дети спецпоселенцев (до 16 лет или старше, если учатся) «Снятие некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» (данный приказ не распространяется на членов семей, высланных из западных территорий в 1945–1952 гг.)
02.12	Участники ВОВ, преподаватели учебных заведений, одинокие инвалиды и др.
16.12	Немцы и члены их семей, высланные в период ВОВ
1955	
19.03	Члены семей лиц, освобожденных по предыдущему акту Ссылнопоселенцы, находившиеся на поселении после отбытия наказания за особо опасные государственные преступления, если семьи этих лиц не находятся на спецпоселении Лица, выезжающие в порядке репатриации в ПНР
1957	
21.01	Запрещение «бывшим руководителям бурж. правительств Литвы, руководителям буржуазных полит. партий, активным участникам литовского националистического подполья [...]» возвращаться в Литовскую ССР
1958	
01.04	Лица, избранные в местные Советы депутатов трудящихся и т.д.
22.05	Пособники нацподполья и члены их семей Бывшие кулаки и члены их семей Члены семей бывших помещиков, фабрикантов и пр. (без права возвращения в места, откуда были высланы)
07.08	Бывшие военнослужащие армии Андерса и члены их семей
1960	
07.01	Члены семей руководителей и участников нацподполья и вооруженных нацбанд, высланных из Литвы, Латвии, Эстонии; бывшие торговцы, помещики, фабриканты, члены буржуазных правительств (без права возвращения в места, откуда были высланы)
1961	
18.04	Бывшие участники нацподполья и вооруженных нацбанд, осужденные за преступления, совершенные до 18-летнего возраста, с правом проживания на территориях, где проживали до осуждения
1963	
06.12	Руководители и участники нацподполья и вооруженных банд
1964	
24.04	Распространение Указа ПВС СССР от 6.12.1963 на бывших участников антисоветских националистических организаций (по постановлению ОС при НКВД–НКГБ–МГБ–МВД СССР)
1965	

цепцию, которая использовалась в период 1953–1965 гг. Через два года после его написания он был взят за основу при разработке других проектов освобождения Новиковым, главой 1-го отдела МВД, занимающегося этими вопросами. В процессе освобождения власти хотя и не руководствовались напрямую рекомендациями Круглова, все-таки во многом

ими вдохновлялись: создается впечатление, что сформированная им в 1953 г. концепция по-прежнему имела влияние¹.

В этой концепции сохранялся статус спецпереселенца, но для некоторых, в ожидании полного освобождения, он смягчался. Концепция сформулирована в тех же категориях, которые в свое время дали основание для депортаций: коллективное освобождение отзывается эхом на коллективные выселения. Так, первые решения, принятые 5 июля 1954 г., касались ограничений, связанных со статусом спецпереселенца, которые были смягчены для большинства из них, за исключением спецпереселенцев с западных территорий. Затем последовало освобождение детей до 16 лет, чей статус и так все время оставался неопределенным. А теперь по крайней мере их не ожидало попадание под статус спецпереселенца по достижении совершеннолетия, и они могли передвигаться по всей территории СССР. Впрочем, это право было довольно искусственным, поскольку большинство из них все равно оставались со своими семьями.

Однако только в конце 1955 г. было осуществлено настоящее коллективное освобождение: тогда освободили немцев, однако вернуться на территорию им не позволили. В 1956 г. последовало освобождение «наказанных народов». Тем не менее в этом коллективном процессе быстро проявилось особого рода недоверие, которое питали советские власти в отношении жителей западных территорий. Последние были явным образом исключены из некоторых постановлений, смягчающих условия подписки о невыезде. Указы об их коллективном освобождении приняты поздно. Касающиеся их постановления принимались в течение долгого времени, в основном с 1958 по 1965 г., тогда как все другие категории были освобождены уже в 1955–1956 гг. И в частности, 1957 год не принес ни одной хорошей новости, что удивительно после XX съезда. Более того, в 1956–1957 гг. приняты даже отдельные ограничительные постановления, запретившие некоторым возвращаться на родину или получать освобождение, даже в индивидуальном порядке (см. таблицу). И хотя постановления, касающиеся этого населения Западной Украины, Литвы, Эстонии и других западных территорий, являлись коллективными, они все-таки разделяли жителей на группы, воспроизводя сталинские политические и социальные категории. Освобождение депортированных жителей Литвы растянулось на годы, поскольку в этом процессе применялся дифференцированный подход в зависимости от того, шла ли речь о высланных как «бандиты», как «бандопособники», как «члены семей бандитов» или как «члены семей кулаков». И напротив, в процессе освобождения депортированных народов Крыма, немцев или чеченцев подгруппы не выделялись.

Индивидуальные процедуры

С 1953 г. параллельно существовали две процедуры: первая была призвана принимать жалобы от индивидов, приговоренных к выселению Особым совещанием при НКВД (ОСО). Эта внесудебная комиссия была создана в 1922 г. для ускорения репрессивных процедур. Ее решения могла отменить только она сама. Много людей было приговорено этой комиссией к высылке на спецпоселение, тогда как освобождений она практически

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 896.

не производила. Поскольку указом от 1 сентября 1953 г. эта комиссия была упразднена, властям пришлось вместо нее учредить новую инстанцию, которая могла бы обрабатывать заявления. Верховный суд СССР, которому было поручено рассмотрение жалоб, был быстро завален многочисленными запросами, в которых выразился мощный всплеск надежды, вызванный законом об амнистии. Его работа еще больше тормозилась тяжеловесной процедурой, в соответствии с которой информация об индивидах, требующих пересмотра своей ситуации, запрашивалась в областях, откуда они родом, и затем только через МВД поднималась в Верховный суд. В 1955 г. МВД и другие инстанции предложили передать процедуру в областные и республиканские ведомства, что и было сделано в мае 1955 г.¹

Итак, с 1955 г. принимать решения уполномочен уже Верховный суд Литвы, но тот освободил совсем небольшое количество спецпереселенцев, по сравнению с оставшимися в ссылке (по решению судебных органов в 1955 г. было освобождено 186 выселенных из Литвы, а в 1956 г. — 2065². А всего среди депортированных из Литвы в эти годы было освобождено соответственно 2656 и 17 483 чел.). И снова процедура оказалась не приспособлена для обработки возросшего потока заявлений. В январе 1957 г. ЦК КП ЛССР решил создать отдельную комиссию, уполномоченную отменять решения о спецпоселении — «Комиссия Президиума Верховного Совета Литовской ССР для рассмотрения дел на лиц, находящихся на спецпоселении по решению бывшего Особого Совещания при НКВД—НКГБ СССР и по отдельным директивам этих органов»³. Отныне все отмены решений о спецпоселении, принятых ОСО, находились в ведении этой комиссии, куда вошли председатель Совета министров ЛССР, председатель КГБ ЛССР, прокурор, министр внутренних дел и председатель Верховного суда ЛССР.

Однако если многие решения о спецпоселении принимались ОСО, постановление о высылке крестьян с целью форсирования коллективизации было принято Советом министров. Следуя все той же логике, не ставящей под сомнение сталинскую законность, советские власти расценили, что освобождение этих индивидов может решаться только на уровне того же Совета министров. За отсутствием общего постановления, которое было принято гораздо позже, заявления крестьян с июля 1953 г. рассматривались специальной комиссией при Совмине Литвы — «Комиссией по рассмотрению заявлений и ходатайств об отмене административной высылки отдельным гражданам, выселенным за пределы ЛССР». Эта комиссия работала вплоть до 1958 г., когда в мае было принято постановление о коллективном освобождении «кулаков». К этому времени из 12 285 хранившихся в МВД дел крестьянских семей, выселенных из Литвы, большая часть которых были депортированы в 1948 г., — 8944 дела, т.е. около $\frac{3}{4}$, уже были рассмотрены комиссией при Совмине, и из них в 4511 случаях, т.е. чуть больше половины, было принято решение об освобождении⁴.

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 896. Л. 96–98, 156.

² ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 949. Ф. 64. В это число не входят свидетели Иеговы и некоторые другие группы. Но несмотря на это, оно вполне дает представление об общих масштабах явления.

³ ЛУА. Ф. 1771. Оп. 190. Д. 11. Л. 3. Указ КПЛ от 16 января 1957 г.

⁴ Подсчеты были осуществлены нами на основе списка дел, которые обрабатывались во время заседаний различных комиссий.

Комиссия, созданная в 1957 г. при Верховном Совете, имела тот же состав, что и комиссия при Совете министров, однако до мая 1958 г. она собиралась в другое время. А с мая 1958 г. обе комиссии, формально отделенные друг от друга, собирались в один и тот же день. Поскольку подавляющее большинство выселенных крестьян было уже освобождено в коллективном порядке, комиссия при Совмине занималась не освобождениями (за редким исключением), а разрешениями на возвращение.

Нижеследующая схема дает общее представление о многочисленных процедурах и их хронологии, свидетельствуя об их разнообразии, о колебаниях властей, которые долго не отменяли сталинские решения в коллективном порядке, предпочитая заваливать себя тысячами индивидуальных ходатайств и таким образом освободив, еще до постановления о коллективном освобождении, большое количество спецпоселенцев.

Год	Комиссия при СМ ЛССР		Верховный Суд СССР	Верховный Суд ЛССР	Комиссия при ПВС ЛССР	Коллективное освобождение (см. таблицу)
	«Кулак» — освободить или нет	Разрешение вернуться	ОСО — освободить или нет			
1953	Создание комиссии при СМ					
1954						Дети спецпоселенцев (до 16 лет или старше, если учатся)
1955						
1956						
1957						
1958	Постановление ПВС СССР об освобождении кулаков и их семей (1958)	Две комиссии (ПВС и СМ ЛССР), но собираются вместе				Пособники нацподполья и члены их семей. Бывшие кулаки и члены их семей. Члены семей бывших помещиков, фабрикантов и пр. Бывшие военнослужащие армии Андерса и члены их семей
1959						
1960						Члены семей руководителей банд, бывшие торговцы и др.
1961						Бывшие участники нацподполья, <18 лет в момент ареста
1962						
1963						Руководители и участники нацподполья и вооруженных банд
1964						Бывшие участники антисоветских националистических организаций
1965						«Иеговисты», «истинно-православные христиане», «иннокентьевцы», «адвентисты-реформисты» и члены их семей

Тем не менее это сложное многообразие заключается не только в множественности применявшихся процедур, но и в самих решениях, принимаемых комиссиями. А они, в свою очередь, отражают колебания центральной и республиканских властей, а также сильно проявляющийся на местном уровне страх массового возвращения индивидов, которые ста-

нут требовать возвращения своего имущества. Это имущество — прежде всего жилье — было конфисковано и использовано в разных целях (там давно жили другие люди, были устроены школы и пр.).

В этой связи разные комиссии, а также всесоюзный и республиканские Верховные Советы разрабатывали разнообразные формулировки, позволявшие уйти от этой проблемы. Так, комиссия Верховного Совета СССР могла принять решение об отмене постановления ОСО, что означало по сути реабилитацию, а следовательно, и возвращение конфискованного имущества, поскольку наказание в этом случае рассматривалось как незаконное. Но она могла также и решить, что выселение было обоснованно, при этом изменив постановление и освободив человека. Такие решения принимались ею в разных ситуациях: например, когда она решала освободить престарелого иждивенца, человека, чьи дети требовали его возвращения, обязуясь взять его на свое попечение. И делалось это не из соображений гуманности, а для того, чтобы государству не приходилось лишний раз брать на себя опеку над недееспособными индивидами. Такие решения принимались, например, и в случаях, когда кто-то совершил побег и вернулся к нормальной жизни в своей деревне. В этот период и в подобных ситуациях государство зачастую отказывалось прибегать к повторной высылке.

Комиссия, созданная в Литве в 1953 г., предложила другую, но равнозначную формулировку: выселение может быть признано необоснованным, и тогда индивиду должно быть возвращено имущество. В постановлении, опубликованном 14 декабря 1953 г., это сказано абсолютно однозначно¹. Здесь уже речь идет о настоящих реабилитациях (и кстати, позднее этот термин использовался властями). Тем не менее большая часть позитивных решений облекалась в иную формулировку: индивид освобождался в виде исключения. Поэтому предполагалось, что его выселили небезосновательно, однако, приняв во внимание различные обстоятельства, Совет министров расценил, что его можно было освободить.

Эта сложность усугублялась еще и порядком получения права на возвращение: как мы уже видели, постановления о коллективном освобождении давали свободу без права на возвращение, оставляя последнее на откуп республиканским властям. В функции только что упомянутых нами комиссий тоже входило решение о праве на возвращение, и им приходилось обрабатывать все больше персональных дел. И кстати, вслед за этими решениями, большей частью отказывающимися в возвращении собственности, просящие заваливали власти повторными ходатайствами. Их случай снова рассматривался комиссиями, которые, как правило, не меняли изначального решения. Но многие писали заявления снова и снова².

В статье Эмилии Кустовой в этой книге подробно рассказывается о такого рода взаимодействиях между властями и этими людьми, о том, какие именно действия совершались в этих случаях и в каком порядке осуществлялись эти индивидуальные меры.

¹ LYA. Ф. V-135. Оп. 7. Д. 371. Л. 2.

² Так, Juozas Jakovonis рассказал нам в интервью о своих многочисленных хождениях по инстанциям, в результате которых, по прошествии нескольких лет, он смог вернуть себе сначала часть, а потом и весь свой дом. Интервью с Juozas Jakovonis, записанное Emilia Koustova и Jurgita Mačiulytė, дер. Касчюнай Варенского района Литвы, 11 июня 2011 г., [2:27:30–2:34:18] // Archives sonores. Mémoires européennes du Goulag. Cercec/RFI, Paris.

*
* *

Итак, процедуры освобождения были многочисленными, сложными и зачастую вынуждали спецпереселенцев участвовать в бесконечных тяжбах, отправлять бесчисленные жалобы и заявления. Такая ситуация была обусловлена соображениями центральных и республиканских властей. С одной стороны, центральные власти в своих решениях еще очень во многом руководствовались сталинским типом мышления и по-прежнему легитимными рамками законности, созданными в тот период. С другой стороны, как центральные власти, так и власти западных республик, откуда производились выселения, испытывали устойчивое недоверие к депортированным.

Так, различные республиканские инстанции пытались добиться запрета на возвращение и выказывали беспокойство по поводу решений Москвы, слишком либеральных, с их точки зрения. Например, литовские власти в 1957 г. добились принятия постановления о запрете возвращения депортированных в 1941 г. В июне 1956 г. бюро ЦК КПЛ поручило «рассмотреть вопрос о целесообразности содержания за пределами республики отдельных групп выселенных граждан (не кулаков)»¹. В тот же год аналогичные пожелания высказал уже 1-й секретарь КП УССР².

Украинские власти были напуганы возвращением индивидов, которых они считали неблагонадежными, и, будучи бессильны перед законом, учреждали особые административные процедуры. С помощью областных КГБ, прокуратур и различных местных ведомств составлялись списки людей, чье возвращение было нежелательно. Затем предпринимались усилия, чтобы «убедить» этих людей снова уехать. И здесь применялся целый ряд средств так называемого убеждения: власти вызывали их на беседы, использовали такой механизм, как оргнабор, чтобы отправить их работать как можно дальше от родных мест и т.д.

В Литве местные власти порой открыто восставали против права на возвращение имущества, которое создавало многочисленные проблемы и конфликты на местном уровне. Так, тот или иной дом, бесосновательно конфискованный по решению республиканской или всесоюзной комиссии, отныне мог быть населен малоимущими либо в нем могла быть устроена школа. Или же тот или иной индивид был, по мнению властей, явным кулаком, и они беспокоились насчет его возвращения и той мести, которую он устраивал или мог устроить.

Приложение

Составление карты мест депортации

Карта лагерей ГУЛАГа к настоящему времени хорошо известна. Она уже давно была составлена московским Обществом «Мемориал» (<http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/maps/ussri.htm>). С тех пор были разработаны и более подробные карты, в частности в рамках проекта *Mapping the Gulag* (<http://www.gulagmaps.org/>). Однако до сих пор не существует ис-

¹ ЛУА. Ф. 1771. Оп. 90. Д. 10. Л. 76, 6.6.1956. См. также л. 101–104 (проект постановления, 5.11.1956).

² Центральный державний архів громадських об'єднань України (ЦГАДО). Ф. 1. Оп. 24. Д. 4297. Л. 12–22.

черпывающей карты местностей, в которые были выселены миллионы людей — будь то крестьяне в ходе кампаний сплошной коллективизации в 1929–1932 гг., народы, попавшие в немилость к Сталину, корейцы, поляки, народы, жившие к 1939 г. в приграничных зонах СССР, или другие депортированные народы. Существуют карты по некоторым областям, например по Пермской: в этой очень точной карте интереснейшим образом соединена картография лагерей и спецпоселений (<http://www.pmem.ru/index.php?id=32>)¹.

Действительно, в отличие от ГУЛАГа, количество таких мест очень велико. Их насчитывалось более 17 тыс. в 1953 г., в период апогея системы, когда 2,6 млн чел. имели статус спецпереселенца (не считая корейцев, депортированных в 1937 г., которым не давался этот статус, хотя в реальности они жили в тех же условиях). Теперь не осталось и следа от многих этих эфемерных поселений, куда свозили женщин и мужчин, чтобы те поднимали лесную промышленность, работая в нечеловеческих условиях в местах, где свободные граждане жить не желали из-за суровости климата и отрезанности от остального мира.

Тем не менее имеется много источников, содержащих удивительно точную информацию вплоть до мельчайших деталей: они дают не только список поселений, но и уточняют, в каком из них какие народы живут, расстояние от ближайшего райцентра или железнодорожной станции, или даже от ближайшей границы или железной дороги. Содержание этих источников разнится в зависимости от года и отражает типичные страхи соответствующего периода. Так, источники предвоенного времени изобилуют указаниями на расстояния от железнодорожных путей и государственных границ, выражая тем самым навязчивое опасение побегов из этих мест, которые не были изолированы от внешнего мира колючей проволокой и не наблюдались через сторожевые вышки.

Собрав воедино эту информацию, можно создать подробные карты спецпоселений. Выбранный нами метод состоял в том, чтобы искать поселения в существующих базах данных по области их местонахождения и их названию. Для этого мы обращались к двум основным географическим базам данных — GeoNames.org и maps.vlasenko.net — и использовали алгоритмы распознавания топонимов на основании схожести с названиями, включенными в базу. Это было необходимо в силу зачастую неточной орфографии топонимов, собранных при изучении документов, из-за их трудночитаемости или некоторой вариативности написаний. Кроме того, база GeoNames содержит названия некоторых исчезнувших поселений.

Мы прорабатывали свой алгоритм в следующем иерархическом порядке: сначала искали названия райцентров, в которых находились поселки депортированных, затем — названия селений, где были комендатуры или подразделения комендатур, и уже потом — названия самих спецпоселков. Чтобы проверить осуществленную идентификацию на точность, проводились тесты на расстояния: мы сравнивали действительное расстояние между таким образом идентифицированным местом и комендатурой или райцентром с расстоянием, указанным в документах. Если различие было

¹ Пермское краевое отделение Международного общества «Мемориал», карта ГУЛАГа.

слишком существенным, то мы рассматривали идентификацию как неточную¹.

Для райцентров и мест нахождения комендатур поиск дал позитивные результаты в довольно большом проценте случаев. В основном это были достаточно населенные места на момент депортации, и многие из них существуют и по сей день. Вспомогательное исследование вручную (на основании современных карт и более систематического поиска в интернете — wikipedia, wikimapia, yandex и других поисковых систем) позволило идентифицировать около 99 % райцентров и 95 % мест нахождения комендатур. Если автоматически идентифицировать названия не удавалось, это означало, как правило, что они с тех пор поменялись, поскольку отсылали к героям сталинской эпохи и были переименованы после XX съезда (топонимы, имеющие в корне «Сталин», «Молотов» и пр.) или же изначально имели слишком советскую окраску («Красный Октябрь» и пр.).

В наши цели не входило применять этот метод для всех поселений, поскольку для них доля успешного автоматического определения была более слабой, и, соответственно, количество неопознанных поселений оставалось гораздо более существенным. К тому же многие из них, безусловно, невозможно идентифицировать просто за давностью их исчезновения, и их не найти ни на какой реально доступной карте. Впрочем, даже если бы крупномасштабные топографические карты были доступны, работа над ними едва ли была бы выполнима, настолько велик ее объем.

Поэтому для последней категории поселений была выработана другая процедура: мы использовали указанные расстояния между поселением и райцентром или комендатурой (в случаях, когда такие расстояния упоминались и когда комендатура была идентифицирована). Затем на равноудаленной окружности с радиусом, равным расстоянию от известного поселения (райцентра или комендатуры), мы определяли место возможного поселения. Разумеется, в источниках всегда указывают расстояния по дороге или водному пути, поэтому они более длинные, чем использованное нами расстояние по прямой. Тем не менее это позволяет составить приблизительное представление о разбросе поселений и об их расположении, не считая некоторых случаев, которые нам пришлось исключить (поскольку указанные расстояния были слишком большими, вплоть до нескольких сотен километров) — это касается прежде всего поселений в Магаданской области или на сибирском крайнем севере. Планируется провести дополнительную работу по ручной идентификации этих поселений.

Точное изображение использованного нами алгоритма представлено на схеме.

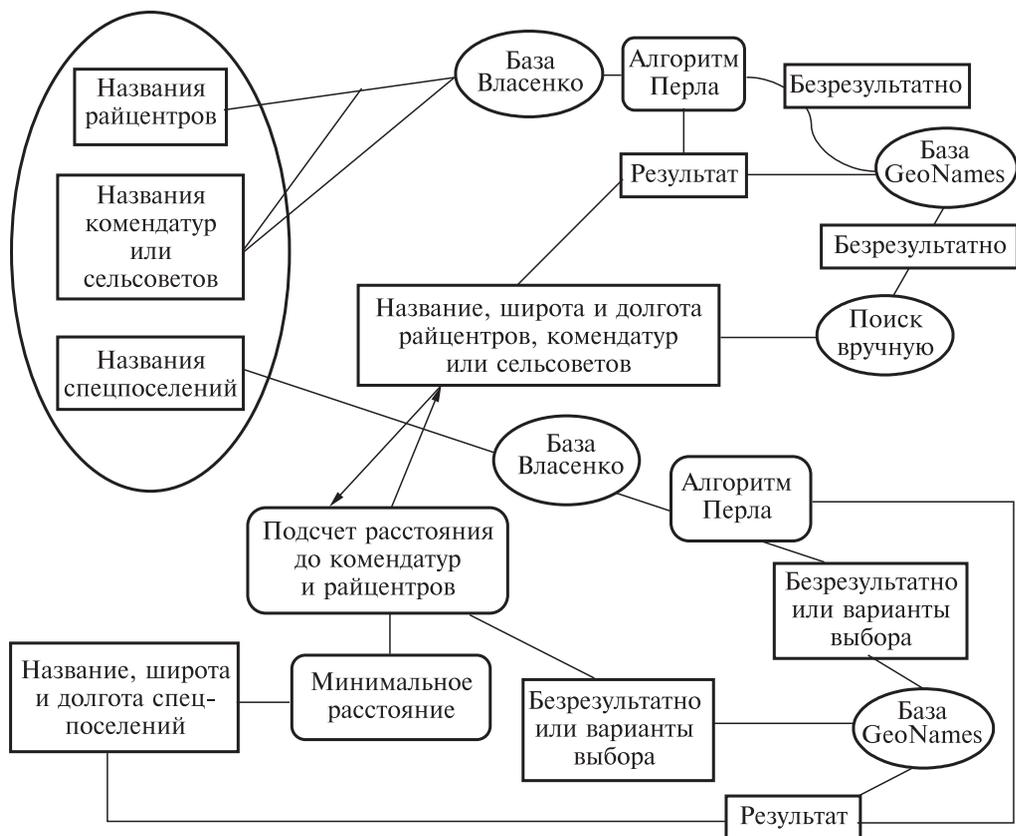
Эта работа была проведена на основе списков поселений за 1941 и 1951 гг. Первые списки, сохранившиеся в девяти разных делах², касаются

---

¹ Разумеется, мы приняли допущение, что расстояния могут немного варьироваться, поскольку мы сравнивали расстояние по прямой с расстоянием (возможно, приблизительным), которое указывалось в документах служащими МВД и соответствовало расстоянию, рассчитанному через пути сообщения (автомобильные и железные дороги, морские и даже, в некоторых случаях, воздушные пути).

² ГА РФ. Ф. 94979. Оп. 1. Д. 88–96.

Алгоритм идентификации названий поселений

почти исключительно поселений, где в то время проживали крестьяне, депортированные во время сплошной коллективизации. К ним, после присоединения части польских территорий к СССР, а другой их части — к нацистской Германии, добавились поляки, выселенные советскими властями, а также беженцы (отчасти польские евреи) с территорий, аннексированных нацистской Германией, отказавшиеся принять советское гражданство. Вторая серия списков, составленных в 1951 г. и сохранившихся в четырех разных делах¹, представляет собой своего рода итоговый отчет по местам проживания спецпереселенцев. После этого было проведено еще две депортации, в ходе которых выслано около 16 тыс. крестьян из Литвы в октябре 1951 г. (более 20 тыс. за весь 1951 г.) и примерно 6 тыс. крестьян из Белоруссии в 1952 г. Если не считать «бывших кулаков», выселенных во время коллективизации 1929–1932 гг., на тот момент никакие другие «контингенты» еще почти не были освобождены. В этих списках есть некоторые пробелы, которые отчасти были заполнены в 1951 г. благодаря спискам 1950 г. (для Омской и Сахалинской областей). Тем не менее и в 1951 г. не достаёт по меньшей мере одной области, Алтайской,

¹ ГА РФ. Ф. 94979. Оп. 1. Д. 561, 562, 598, 599 «Дислокация расселения спецпоселенцев...».

где между тем было очень много спецпереселенцев: мы не смогли восстановить эти данные, поскольку ее нет и в списках, сохранившихся за другие послевоенные годы.

Э. Кустова

ПРОСИТЬ, УБЕЖДАТЬ, ИЗВОРАЧИВАТЬСЯ: ЛИТОВСКИЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ХОДАТАЙСТВУЮТ О ВОЗВРАЩЕНИИ НА РОДИНУ

Робкая оттепель и пересмотр сталинской репрессивной политики, последовавшие за 5 марта 1953 г., отнюдь не сразу привели к освобождению почти трех миллионов спецпереселенцев, разбросанных по всей территории Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии. Процесс снятия со спецучета и возвращения на родину оказался особенно долгим и сложным в случае тех, кто был выслан в 1940-е гг. из западных регионов, аннексированных по пакту Молотова–Риббентропа. Если остальная часть «спецконтингента» (немцы Поволжья, «наказанные народы») была снята со спецучета в 1955–1956 гг., то большинство указов и постановлений, по которым одна за другой были освобождены различные категории уроженцев Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии, увидело свет лишь в 1958–1964 гг. Более того, их освобождение носило ограниченный характер, так как соответствующие коллективные решения не только не подразумевали реабилитации депортированных и возвращения им конфискованного имущества, но и по умолчанию — в отсутствие иного решения республиканских органов власти — содержали запрет на возвращение на родину.

Необходимость не один год дожидаться снятия со спецучета, невозможность вернуться домой, сохранение стигмы депортации — все это толкало индивидов на попытки, не дожидаясь освобождения в рамках коллективных указов, покинуть правовое и географическое пространство ссылки, а затем, после освобождения, расширить спектр профессиональных, экономических, образовательных возможностей, доступных бывшим спецпереселенцам. Это обуславливало множественность индивидуальных траекторий и стратегий и вариативность календаря возвращения из ссылки¹.

Пытаясь хотя бы немного улучшить свое положение, депортированные использовали широкий спектр практик и стратегий, как универсальных, так и специфически советских: от таких традиционных — прежде всего для крестьянского общества — форм неповиновения, как уход в лес или бегство, до попыток воспользоваться неопределенностью положения или готовностью властей закрыть глаза на отдельные нарушения, а также поисков лазеек, позволяющих обойти запреты и ограничения или достичь неформальной договоренности, например, чтобы прописаться на родине

¹ Коллективные и индивидуальные механизмы освобождения лиц, депортированных из западных регионов СССР, подробнее рассматриваются в статье А. Блюма, опубликованной в настоящем сборнике.